

Андрей Геласимов
ДЕСЯТЬ ИСТОРИЙ О ЛЮБВИ

ФИЛОМЕЛА

На регистрации рейса она так и не появилась. Гуляев прождал ее до самого последнего чемодана, канувшего в багажную Лету, психанул и швырнул паспорт на стойку.

– Поосторожней, пожалуйста, – строго посмотрела на него девушка в красивой униформе.

– Извините, – буркнул он и уставился на сияющую за спиной девушки гигантскую рекламу мобильного оператора.

Ни на один из его десяти нервных звонков Ольга до сих пор не ответила.

Передавая Гуляеву посадочный талон, девушка в униформе обвела карандашом его место в самолете и номер выхода.

– Поторопитесь, посадка скоро закончится.

На паспортном контроле он сообразил, что Ольга могла зарегистрироваться прямо из дома, не предупредив его. Сюрприз – это было в ее стиле. Хмурый пограничник за стеклом в этот момент как раз вглядывался в его лицо, а Гуляеву нестерпимо захотелось вырвать свой паспорт у него из рук и побежать обратно к стойке регистрации. Девушка в униформе со стопроцентной уверенностью знала имена всех зарегистрированных пассажиров.

– Очки снимите, пожалуйста, – сказал пограничник.

Гуляев прикупил эти солнцезащитные очки в Нью-Йорке, выложив за них далеко не профессорские четыреста долларов, поэтому зачастую они теперь надевались как бы сами собой – и не всегда в тех местах, где темные очки предполагались.

Ольгу, кстати, они бесили. Безошибочным женским чутьем она откуда-то знала, что куплены они были не просто так. Гуляев тогда действительно прицелился на одну славную аспиранточку из Питера, которая работала над своим диссером в Бруклинской библиотеке, однако выпендрож с очками ему не помог. Аспирантка лишь хмыкнула в магазине и в ресторан с ним уже не пошла.

– Счастливого полета, – сказал пограничник, положив перед Гуляевым его паспорт и нажимая на кнопку, с негромким гудением открывшую низенькую металлическую дверь.

Путь назад был отрезан.

В самолете Гуляев последовательно помог двум некрасивым женщинам и одному неловкому старичку поднять и затолкать их тяжеленную ручную кладь на багажные полки. Не отличаясь филантропическим складом, он просто спешил пройти дальше по проходу, забитому копошившимися вокруг своего багажа пассажирами. Передние ряды кресел были все уже заняты, но Ольгу в этой счастливой курортной толпе Гуляев не обнаружил. Он прошел мимо своего ряда, почти до самых туалетных комнат, потому что к сорока пяти годам был сильно подслеповат, и, чтобы разглядеть лица сидящих, немного даже склонялся в их сторону. В хвостовой части самолета Ольги тоже не оказалось.

Усевшись наконец на свое место, Гуляев почувствовал себя обманутым, нахохлился и раздраженно стукнул пластиковой шторкой иллюминатора. Ему не хотелось ничего видеть.

– Шторочку поднимите, пожалуйста, – ласково, но настойчиво склонилась к нему стюардесса, затянута в черный костюм.

Гуляев покосился на ее изящную головку и черную пилотку, кокетливо сдвинутую набок. Гладкие и блестящие волосы у стюардессы были убраны как у мертвых невест во втором акте «Жизели», двумя полукружьями почти полностью скрывая уши.

– При взлете иллюминаторы должны быть открыты, – сказала она.

Улыбка девушки напомнила Гуляеву одну из его недавних и очень красивых дипломниц.

– Извините, – вздохнул он и поднял серую штормку.

Пока летели до Кипра, он все пытался разглядеть эту улыбчивую виллису получше, но она призрачной рыбкой проскальзывала по салону мимо, растворяясь в мутноватой пелене его близорукости. Гуляев давно подумывал насчет обычных очков с диоптриями, однако всякий раз откладывал поход к окулисту. Дамы на кафедре и в деканате любили намекнуть ему, что на фоне своей ровесницы-жены он все еще выглядел очень даже себе комильфо, поэтому очки он пока считал не вполне уместной приметой возраста.

Отель «Элизиум» встретил Гуляева роскошной пустотой коридоров. Это была дорогая гостиница, и даже сейчас ночью, в отсутствие разодетой в элегантные костюмы богатой публики, населявшей основное здание и несколько индивидуальных вилл со своими бассейнами, тут царил устойчивый аромат вечного счастья. Оно, это счастье, не просто поселилось здесь – оно застыло в самых приятных глазу и телу формах, не желая и, судя по всему, не имея причин покидать это благословенное место.

Просторное фойе было украшено фреской протяженностью метров в пятнадцать-двадцать. Нежные и воздушные девушки на фреске изображали собой девять классических муз, каждая из которых была обозначена соответствующей подписью на древнегреческом языке. Ряды строгих колонн из мрамора обливал мягкий золотистый свет плоских люстр, свисавших с потолка на покрытых позолотой цепях. У каждой колонны стояли большие керамические сосуды в форме античных пифосов. В каждом сосуде застыло по вечнозеленому и вечносчастливому растению. Вся мебель в фойе, включая стойку администратора, была выполнена под девятнадцатый век. Массивные кожаные кресла и уютно потертые диваны стояли на таких же потертых старых коврах. Здесь, в этой гостинице, легче всего и, пожалуй, естественнее, чем где бы то ни было, произносилась расхожая фраза «Все хорошо». На тумбочках и подставках рядом с диванами замерли полные достоинства настольные лампы с металлическими пузатыми основаниями и старомодными абажурами. Совершенно пустому и безмолвному в поздний час фойе эти лампы окончательно сообщали дух скорее старинной университетской библиотеки, нежели модного отеля у моря, хотя на стене рядом с лифтами висели в три ряда фотографии ослепительных улыбок, вечерних платьев и бриллиантов с автографами побывавших здесь голливудских и европейских звезд.

После долгого и какого-то невероятно душного переезда на такси от Ларнаки до Пафоса прохлада спящего отеля заметно взбодрила Гуляева, но пробудила также и саднящую мысль. Он болезненно осознал, что все это великолепие ему не с кем будет делить. Распахнув балконную дверь в своем полу-люксе, он жадно втянул запах моря, которого в темноте не было видно, но которое он отчетливо слышал из-за поднявшегося к полуночи волнения и сильного ветра.

– Мы уже спим, – недовольным голосом сказала жена, взяв трубку после десятого или одиннадцатого гудка.

– Мы? – удивился Гуляев.

– Да. У Ольги командировка в Челябинск отменилась.

– Ясно... – Гуляев озадаченно помолчал. – И что? Она решила перебраться к тебе?

– Мы вообще-то сестры, Игорь Валентинович, если ты забыл. И в последнее время редко видимся.

– Да нет, помню... Ладно, передавай привет.

– Завтра передам. Она спит в Сережиной комнате. Ты успел на свою конференцию?..

Положив трубку, Гуляев неподвижно просидел в кресле еще несколько минут. По репликам – слово за словом – он восстанавливал весь разговор с женой. Перебирал свои ответы, ее интонации, пытался понять – не было ли у него прокола, и не звучало ли подозрение в ее голосе. Эта шпионская привычка появилась у него примерно полгода

назад. С тех самых пор, как он невыносимо захотел переспать с младшей сестрой своей жены, Ольгой, а та, почти сразу уловив это его внутреннее движение, по какой-то причине повела себя очень самостоятельно и ни о чем не сказала сестре.

Гуляев и прежде не гиперболизировал значение супружеской верности, но особо ни в чем себя не винил, поскольку сам никогда и никого не добивался. В своих глазах он был всего лишь невинной жертвой соблазна. В роли инициатора и злоумышленника он выступил всего пару раз, так что это почти не считалось. Привыкший к женскому вниманию, он то и дело сдавался на милость очередной победительницы, которой не лень было осаждать его не самую неприступную в мире крепость, и которая, что было немаловажно, соответствовала его меняющейся с годами самооценке. Если в начале своей академической карьеры он еще мог обнаружить себя в постели у девушки со средними данными, то с ростом ученой степени, званий и должностей, указываемых в скобках после его фамилии, претендентки становились все симпатичней и все моложе.

Первоначально большинство из них реагировали на его голос. Рассказывая о преступном браке Иокасты и ее сына Эдипа, об эротических волнениях, вызванных своеволием, скорее всего, элементарно фригидной Лисистраты, о хоре в античной комедии, который сплошь состоял из похотливых сатиров с привязанными к поясам огромными красными фаллосами, Гуляев так искусно и так неожиданно модулировал по тембру свой голос, что все эти абсолютно непристойные вещи начинали звучать не только приемлемо, но даже интригующе – они вызывали у его юных слушателей живой интерес. Присутствующим на его лекциях казалось, что обо всем этом можно спокойно беседовать с кем угодно – с друзьями, родителями, просто знакомыми по социальным сетям. Вооруженный мощной античной традицией Гуляев невероятно раскрепощал, а его голос побуждал к следующему шагу.